

ЮРИЙ КОСТАНОВ

УБЕДИ

НАВИГАТОР
ПО УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ

**СОВЕТЫ ПОБЕДИТЕЛЯ ВО МНОГИХ
СУДЕБНЫХ БАТАЛИЯХ ОТТОЧЕНЫ
ПРАКТИКОЙ**

ПАШИН СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ

СУД

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ПРОФЕССИЯ**

Адвокатские тайны

Юрий Костанов

**Убеди суд! Навигатор
по уголовному процессу**

«Феникс»

2026

УДК 347.9
ББК 67.75

Костанов Ю. А.

Убеди суд! Навигатор по уголовному процессу /
Ю. А. Костанов — «Феникс», 2026 — (Адвокатские тайны)

ISBN 978-5-222-48445-6

Юрий Костанов – адвокат, кандидат юридических наук, доцент, государственный советник юстиции 2-го класса, один из основателей московской коллегии адвокатов «Адвокатское партнёрство». Его профессиональный путь начался в роли обвинителя (в том числе по знаменитому «Делу фантомасов») и продолжается в правозащитной деятельности (уличные протесты, незаконные обыски). Это живая энциклопедия процессуальных навыков на все времена: что необходимо знать российскому адвокату, чтобы побеждать. Юрий Костанов показывает адвокатские приемы, рассказывает о стратегиях обвинения, приводит возможности противостоять незаконным действиям во время следствия. Речи и тексты (во второй части книги) – мастер-класс по процессуальной логике, а также источник интеллектуального удовольствия. В лучших традициях русской адвокатской литературы Юрий Костанов откроет перед читателем (независимо от призвания) документальные детали жизни, характеры – и всего за несколько часов чтения вы окажетесь на улицах наивных 1960-х, в переплетах многообещавших 1990-х, в кафкианском порубежье 2010–20-х.

УДК 347.9
ББК 67.75

ISBN 978-5-222-48445-6

© Костанов Ю. А., 2026

© Феникс, 2026

Содержание

От автора	7
Часть первая	10
О видах судопроизводства	10
Формула обвинения	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Юрий Костанов
Убеди суд! Навигатор
по уголовному процессу

© Ю. Костанов, 2026

© Оформление: ООО «Феникс», 2026

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

От автора

В российском обществе широко распространено мнение, что самые важные действия совершаются и основные решения принимаются на предварительном следствии, а не в суде. Что следователь напишет, то суд и признает установленным, и, значит, выступления защитников в судебных заседаниях лишаются смысла – все уже решено заранее.

Укреплению этого мнения способствует существующая судебная практика, когда суды всё чаще соглашаются со следствием вопреки очевидному несоответствию его выводов закону и материалам дела. Спорить с такой оценкой отечественного правосудия трудно. Самым эффективным способом преодолеть это унижительное мнение является участие в судебных заседаниях, упорное отстаивание закона и столь же упорное и последовательное обжалование незаконных и необоснованных приговоров и иных судебных решений. Хорошо, что наметилась тенденция расширения подсудности суда присяжных, значительно более объективного и независимого, чем суд «коронный». Но отстаивать закон и справедливость нужно и можно не только перед присяжными. При рассмотрении дела судьей единолично задача становится труднее, но не является неразрешимой.

Представленные суду доказательства должны быть оценены с точки зрения их достоверности, допустимости и относимости, выстроены в определенной последовательности. Надо стремиться убедить судей в том, что законным и справедливым будет именно такой приговор, на вынесении которого вы настаиваете. Добиваться справедливости удавалось и в судах, рассматривавших дела с участием народных заседателей, которые не всегда соглашались исполнять роль безмолвных «кивал». Примером тому могут служить, в частности, помещенные в настоящем сборнике защитительные речи по делу Голомидова и по делу Худояна. Оба дела рассматривались на фоне развернувшейся в стране борьбы с коррупцией, непримиримой, беспощадной и всеохватывающей. По обоим делам в начале судебного разбирательства ощущалось негативное отношение судей к подсудимым, обвинявшимся во взяточничестве. Однако к концу судебного следствия ситуация изменилась, и дела закончились в одном случае оправданием (дело Голомидова), а в другом – освобождением из-под стражи (дело Худояна).

Участвуя в судебных заседаниях, юрист, независимо от специальности, должен уметь правильно излагать свою позицию по делу, убеждать судей и присяжных заседателей, способствовать возникновению у них благоприятного для себя решения. Для этого надо уметь правильно излагать свои мысли, учитывая особенности аудитории, сочетая в речи логику и эмоции, правовой анализ и психологические особенности поведения истцов и ответчиков, подсудимых и потерпевших. Мало знать соответствующее законодательство, надо еще и овладеть основными приемами судебной риторики.

Красноречие, согласно толковому словарю русского языка, «дар хорошо и красиво говорить». Если это дар, нечто данное человеку свыше, то долг судебного оратора, т. е. человека, посвятившего себя публичному служению, требующему умения убеждать окружающих, – развить в себе те качества, которые даны ему от рождения. Но даже если талант говорить красиво ему от рождения не достался, то умение говорить правильно, «чтоб не мог не понять его судья», он обязан. Талант дается нам свыше, а знание и умение – это результат наших собственных усилий.

Однако речь – это не обязательно публично произнесенный спич. Она, как известно, бывает устная и письменная. Речь – это любой связный текст, произнесенный либо написанный. Судебная речь – это и выступления в судебных прениях, и жалобы, и заявления, и ходатайства разного рода.

Вместить в одну книгу все, что нужно знать и уметь судебному оратору, – задача невыполнимая. Один из наших коллег на вопрос, как долго он готовился к судебным прениям, ответил:

«Последние два часа и всю предшествующую жизнь». И это не было преувеличением. Потому что в судебном процессе как обвинитель, так и защитник обязаны мобилизовать весь свой опыт, житейский и профессиональный, чтобы добиться справедливого приговора или иного судебного решения.

Задача судебного оратора – убедить суд, добиться, чтобы судьи поверили ему. Для этого надо, чтобы еще до начала его выступления у слушателей возникло мнение о нем как о человеке порядочном. За каждым прокурором и адвокатом тянется шлейф представлений о нем – о его нравственных качествах в частности.

Изобразить честность и порядочность при их отсутствии, «сыграть» их не всякому под силу. Важно быть хорошим актером. С этой задачей справляются мошенники – но удачно выходит не у каждого.

Неискренность – это разновидность лжи. Великий А. Ф. Кони писал: «Человек лжет обыкновенно трояким образом: говорит не то, что думает, думает не то, что чувствует, то есть обманывает не только других, но и самого себя, и, наконец, лжет, так сказать, в квадрате, говоря не то, что думает, и думая не то, что чувствует. Все эти виды лжи могут находить себе место в судебной речи, внутренне искажая ее и ослабляя ее силу, ибо неискренность чувствуется уже тогда, когда не стала еще, так сказать, осязательной» (Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1956. С. 98).

Очевидно, что грамотно выражать свои мысли может лишь тот, у кого они есть.

*Блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою...*

(А. С. Пушкин. Домик в Коломне)

Для развития способности мыслить полезна философия. Но не менее полезно знакомство с классическим искусством – литературой, живописью, музыкой, театром. Юрист должен быть разносторонне образованным человеком. Богатство и разнообразие человеческих отношений познать только на собственном опыте невозможно. Именно это знание, необходимое для проникновения в психологию преступника, понимание внутреннего механизма человеческих поступков отличало лучших русских судебных ораторов XIX – начала XX века: Ф. Н. Плевако, С. А. Андреевского, Н. П. Карабчевского, П. А. Александрова, А. И. Урусова и, конечно же, А. Ф. Кони – звезду первой величины на этом небосклоне. Особенных рекомендаций заслуживает также замечательная книга П. Сергеича «Искусство речи на суде».

Следует упомянуть здесь и наших современников: С. А. Ария, А. Л. Мове, Я. С. Киселёва, И. Д. Брауде, братьев М. М. и И. М. Кисенишских и других, внесших свою лепту в развитие отечественной школы судебной риторики. Изучение их судебных речей необходимо для юриста, как и знакомство с трудами по вопросам судебного красноречия. Весьма полезны будут также блестящие работы Ю. В. Кореневского и Г. П. Падвы «Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству» (М.: Юристъ, 2004); «Защита по уголовному делу» Е. Ю. Львовой, Т. Л. Живулиной, Г. М. Резника, С. В. Травина и С. Теймана (М.: Юристъ, 1998).

Когда несколько лет назад я только еще задумывался над идеей создания этой книги, название ее предполагалось иное – «Сумбурные заметки о подготовке к судебным прениям, о теории и практике доказывания». Что из этого получилось, судить читателям. Во всяком случае, это не систематическое изложение теории и практики судебной риторики, теории и практики доказывания. Меньше всего мне бы хотелось стать автором учебников и пособий академического свойства. Думаю, что мои заметки имеют сугубо практическую направленность, особенно там, где речь идет о доказывании и доказательствах, и окажутся полезными для начинающих адвокатов. Надеюсь также, что включенные в книгу речи и документы, посвященные

громким судебным процессам прошлого и настоящего, будут интересны самому широкому читателю.

Часть первая

Заметки о судебной речи

Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья.

Квинтилиан

О видах судопроизводства

Юристам приходится выступать в судах по самым разным делам: *уголовным, гражданским* (причем не только в общих судах, но и в судах арбитражных) и даже, хотя и редко, *административным*. Не обходится без адвокатов и Конституционный суд – здесь вообще к ним, впервые, наверное, в нашей стране после 1917 года, отношение как нигде уважительное: по закону в Конституционном суде представителем может быть или юрист, имеющий ученую степень, или адвокат.

В силу части второй статьи 118 Конституции Российской Федерации «судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства». Речи, произносимые в судебных заседаниях, обладают определенной спецификой, связанной с видом судопроизводства. Выступая в уголовном процессе, надо говорить иначе, чем в процессе гражданском, речь в суде арбитражном строится по иным правилам, нежели в суде общей юрисдикции (хотя и здесь, и там рассматриваются дела гражданские), а выступления в Конституционном суде больше напоминают доклады на научных конференциях.

Надо заметить, однако, что общего в построении судебных речей оказывается больше, чем различий. Во всех делах, независимо от вида судопроизводства, судебному оратору приходится выступать дважды, а если брать и реплики, то трижды, не считая выступлений по частным вопросам – при заявлении своих ходатайств и обсуждении ходатайств, поданных другими участниками процесса, выступлений с заявлениями и т. п.

В начале процесса по уголовному делу обвинитель излагает обвинение, а защита должна выразить свое к нему отношение, по окончании судебного следствия обвинители и защитники выступают в судебных прениях; в гражданском процессе вначале истец излагает исковые требования, а ответчик сообщает суду, согласен он с ними или нет и почему. После исследования материалов дела истец и ответчик выступают в прениях.

В Конституционном суде стороны сперва излагают свою позицию и ее правовое обоснование, а перед удалением в совещательную комнату для вынесения решения судьи выслушивают заключительные выступления сторон. Если в первоначальном выступлении излагаются более или менее подробно позиция стороны и доводы, эту позицию подтверждающие, то после заслушивания объяснений (показаний) участников процесса, в том числе свидетелей и экспертов, после исследования письменных и вещественных доказательств, других материалов дела (независимо от того, называются ли эти выступления прениями сторон или заключительными выступлениями) задача адвоката – проанализировать эти (исследованные в суде!) доказательства, дать оценку позиции противоположной стороны и сообщить суду, насколько, по его мнению, нашла подтверждение его собственная позиция. Неслучайно многие адвокаты (и прокуроры, впрочем, тоже) начинают свою речь в судебных прениях с фразы: «Ход судебного следствия и его результат приводят меня к выводу о том, что ...» – и далее в зависимости от характера дела: «исковые требования имеют достаточно оснований», либо «обвине-

ние нашло подтверждение в полном объеме», либо «позицию обвиняемого, отрицающего свою вину, представленные обвинением доказательства никак не опровергают...».

Виды судопроизводства отличаются по предмету исследования и процедуре. В то же время вряд ли можно говорить о различиях в способах оценки доказательств, в использовании речевых средств выразительности. Нет никакой разницы в анализе и оценке показаний свидетельницы о взаимоотношениях супругов, родителей и детей по гражданскому делу о лишении родительских прав и такой же свидетельницы по уголовному делу об убийстве женой истязавшего ее пьяницы мужа. Точно так же нет разницы в речевых средствах, характеризующих эти взаимоотношения. Очень близки с точки зрения судебного красноречия рассуждения в арбитражном суде по делу о несостоятельности и в суде общей юрисдикции по уголовному делу о преднамеренном банкротстве.

Отличаются судебные речи по делам, рассматриваемым в порядке конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства, главным образом соотношением разделов речи. В речах по делам гражданским необходимо больше внимания уделять правовой ситуации и доказательствам, подтверждающим выводы оратора. В речах по делам уголовным нельзя обойтись без оценки мотивов, которыми руководствовался обвиняемый при совершении инкриминированных ему действий (либо мотивов, исключающих возможность совершения им этих действий), без анализа данных, характеризующих личность обвиняемого, потерпевшего и других участников исследуемых судом событий. Нет необходимости в арбитражном суде разъяснять судьям психологию действий сотрудников юридического лица. В то же время в судебной речи по уголовному делу вполне уместны рассуждения о мотивах, которыми руководствовался тот же сотрудник юридического лица, обвиняемый в преднамеренном банкротстве.

Конституционное судопроизводство характеризуется высоким уровнем научного анализа законодательства. Конституционный суд Российской Федерации – это суд особого рода. Там не судят людей – там судят законы. Поэтому и состав Конституционного суда специфичен: в нем заседают не просто опытные юристы, а доктора наук, цвет юридической мысли. Вопросы, ими рассматриваемые, носят глубоко теоретический характер. Однако же, как известно, «теория, мой друг, суха, но зеленеет древо жизни». Очевидно, что задача оратора здесь состоит не только в изложении своей позиции и ее обосновании, но в том, чтобы максимально приблизить проблему к житейским ситуациям. В теории вопроса судьи Конституционного суда, как правило, способны разобраться лучше практикующего юриста, поэтому необходимо донести до них то, что с высот этого ареопага не видно и не слышно, – муки людей, задавленных несправедливым законом, шум судебных баталий.

Формула обвинения

Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего председательствующий опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение (ч. 1 ст. 273 УПК РФ). Под обвинением в законе понимается как процессуальная функция (ч. 1 ст. 15 УПК РФ), так и «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом» (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

Если обвинение как процессуальная функция – это «локомотив процесса», то формулу обвинения, продолжая железнодорожные ассоциации, можно назвать рельсами, по которым движется судебное разбирательство. Формула обвинения устанавливает рамки, ограничивающие усилия стороны обвинения и самого суда, который нередко оказывается в плену обвинительного уклона.

Перечень прав обвиняемого, объединяемых под общим названием «право обвиняемого на защиту», неслучайно начинается с указания на право знать, в чем он обвиняется. Не зная этого, более того, не понимая, в чем его обвиняют, человек не в состоянии защищаться. Еще в начальной школе ученик, когда учитель строго говорит ему: «Встань!», спрашивает: «А что я сделал?»

Общее падение квалифицированности следователей, отмечаемое многими, проявляется не только в слабом знании законодательства и утрате профессиональных навыков. Резко снизился и уровень общей грамотности, умение кратко и точно излагать свои мысли, что неминуемо сказалось и на качестве процессуальных документов.

Обвинительные заключения теперь – это творения, по своему объему превосходящие «Войну и мир». Автору довелось участвовать в делах, обвинительные заключения по которым состояли из шестнадцати и даже двадцати восьми томов (более 8 тысяч страниц). На пишущей машинке столько не наваяешь. Причем увеличение объема происходит не только за счет перечня доказательств, но и, в не меньшей мере, за счет громоздкой и невнятно изложенной фабулы обвинения.

Многие смотрели видеосюжет о ростовской банде Толстопятовых (дело начала 70-х годов прошлого века, которое подробно будет рассмотрено во второй части данной книги), знаменитых «фантомасов» с самодельными автоматами: 15 эпизодов, 11 подсудимых, томов всего 14. Обвинительное заключение в одном томе, а кроме обвинительного заключения в этот том поместились еще какие-то документы. А в недавнем уголовном «Деле химиков», получившем всероссийскую известность в 2007–2008 гг., само следственное производство поместилось в 15 томах, а обвинительное заключение заняло еще 16. Всеобщая компьютеризация сыграла здесь злую шутку (хотел было написать: с нашими следователями, но ведь наоборот – следователи свою жизнь облегчили, а вот обвиняемым стало хуже).

В те далекие времена, когда на заре своей юридической юности автор работал следователем в прокуратуре одного из сельских районов Ростовской области на границе с Калмыкией, компьютеров не существовало в природе, а пишущая машинка на всю прокуратуру (четыре оперативных работника – прокурор, помощник прокурора и два следователя) была одна. Даже попробовать сочинить обвинительное заключение объемом более десятка страниц и в голову бы не пришло: ведь сначала надо было бы от руки этот роман написать, а потом дожидаться своей очереди у машинистки. А теперь следователи пальчиками по клавишам щелкают и готово – 16 томов в 280–320 листов каждый!

Объем обвинительного заключения, объем постановления о привлечении в качестве обвиняемого только на первый взгляд техническое обстоятельство. Гигантские размеры этих

документов порождают ряд правовых проблем, среди которых едва ли не самая важная – как обеспечить понимание обвиняемым столь объемного текста, как отделить зерна от плевел.

Закон не разъясняет, что собой представляет «изложение государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения». Сводится ли оно к зачитыванию соответствующего текста обвинительного заключения, или речь идет о свободном изложении прокурором своего понимания существа обвинения? Вправе ли гособвинитель отойти от формулировок утвержденного соответствующим руководителем прокуратуры обвинительного заключения? Очевидно, что ни при каких обстоятельствах изложение обвинения не должно увеличивать объем обвинения, не должно содержать ссылку на обстоятельства, отягощающие ответственность по сравнению с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, не должно содержать указания на нормы закона о более тяжком преступлении. Но допустимо ли «урезание» обвинения и если да, то в каких пределах? Ввиду непомерно возросших объемов текста вопрос не праздный. Это раньше прокурор мог легко прочитать полстранички текста, а теперь по многим делам при всем желании это сделать не так просто.

В Никулинском районном суде Москвы при изложении обвинения четырех подсудимых в контрабанде¹ гособвинитель не стала полностью зачитывать текст обвинительного заключения по каждому эпизоду (а эпизодов насчитывалось более семидесяти, фабула обвинения каждого из подсудимых в обвинительном заключении занимала несколько сот страниц), но ограничилась прочтением только финальных фраз, содержащих лишь указание на стоимость перемещенного через границу товара. Это, возможно, в каких-то случаях и было бы допустимо (других различий в обвинении по эпизодам практически не было), но в данном случае вызвало возражение защиты, поскольку при этом фактически не излагался способ совершения инкриминированных деяний, а это не позволяло суду увидеть, что в формулировках отдельных эпизодов обвинения действия одного из подсудимых вообще не указаны.

Указание в законе об обязанности разъяснить обвиняемому существо предъявленного обвинения, наряду с обязанностью следователя ознакомить обвиняемого с постановлением, упоминание о понятном для обвиняемого языке в статье 6 Европейской конвенции, норма об изложении обвинения гособвинителем в самом начале судебного следствия свидетельствуют о том, что речь идет не о простом ознакомлении обвиняемого с текстом постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Обвиняемый вправе не просто знать (т. е. не просто ознакомиться с текстом), он вправе понимать, в чем он обвиняется. Без этого защищаться от обвинения он не может. Обвиняемый – равноправный субъект процесса, а не бессловесный объект многотрудной деятельности следователя и суда.

На практике, однако, зачастую (почти всегда) следователь ограничивается ознакомлением обвиняемого с текстом постановления и никогда не разъясняет обнаруживаемых в постановлении противоречий, неясных и неточных формулировок. Чаще всего заявляется, что разъяснить обвинение должен защитник.

Хотя постановление о привлечении в качестве обвиняемого во взяточничестве и злоупотреблении полномочиями руководителя Управления Росхотнадзора В. внутренне противоречиво и содержало формулировки, без дополнительного разъяснения которых не могло быть понято, в нарушение требований ст. 172 УПК РФ следователь Следственного комитета при МВД России (так с претензией на некую декларацию независимости следствия от милийского начальства тогда назывался нынешний Следственный департамент МВД) отказался разъяснить существо обвинения.

В постановлении, изобиловавшем противоречащими друг другу утверждениями, фактически не была описана объективная сторона инкриминированных преступлений, что должно

¹ Ситуация типичная и характерна не только для дел о контрабанде, поэтому пример сохранил свою актуальность и после исключения статьи 188 из УК РФ.

составлять по крайней мере существенную часть «описания преступления», о котором идет речь в п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ.

Отказ в удовлетворении ходатайства о разъяснении сущности предъявленного обвинения в постановлении следователя был мотивирован тем, что «защиту обвиняемого В. осуществляют профессиональные юристы – адвокаты, в обязанности которых и входит оказание ему юридической помощи, в том числе разъяснение непонятных для него моментов постановления», а также тем, что «из содержания ходатайства В. следует, что сущность предъявленного обвинения ему не только разъяснена, но и понятна. В противном случае невозможно было поставить перед следователем содержащийся в нем ряд вопросов».

Очевидно, что приведенные в постановлении доводы не основаны на законе.

Во-первых, обязанность разъяснить обвиняемому существо предъявленного обвинения в силу ч. 5 ст. 172 УПК РФ возложена именно на следователя, а не на защитников. Кроме того, защитник не в состоянии разъяснить, что имел в виду следователь, обвиняя В., например, в злоупотреблении полномочиями по назначению на должность и освобождению от должности работников Управления, по оперативному управлению закрепленного за Управлением имущества, по обеспечению защиты сведений, составляющих государственную тайну, по получению информации об аварийных ситуациях и т. п., и не вменив ни одного эпизода, связанного с использованием этих полномочий. Никто, кроме вынесшего постановление следователя, не в состоянии разъяснить, что он имел в виду, указав на совершение В. действий, направленных на непосредственное получение лично им имущества, но инкриминировав только действия, опосредованно направленные на закрепление имущества за организацией, которая это имущество использовала на протяжении ряда лет и которая являлась структурным подразделением организации – собственника этого имущества.

Во-вторых, из того обстоятельства, что В. задал следователю ряд вопросов, следует только то, что он достаточно подробно ознакомился с содержанием постановления, а не то, что ему понятно существо обвинения. Очевидно, что следователь понимание обвиняемым существа обвинения подменил знакомством обвиняемого с содержанием постановления.

Жалобы на отказ следователя разъяснить существо обвинения руководством СК при МВД были оставлены без удовлетворения. Не отреагировала на жалобы по этому поводу и прокуратура – обвинительное заключение было утверждено соответствующим прокурором, и дело было направлено в суд, которым В. и другие привлекавшиеся к ответственности по этому делу лица благополучно оправданы за отсутствием события преступления.

Не балуют разъяснением существа обвинения и подсудимых. Если суды, хотя и очень редко, предлагают обвинителям разъяснить подсудимому существо обвинения, обвинители этой рекомендации суда не выполняют и либо заявляют, что подсудимый таким образом просто высказывает свое несогласие с обвинением, либо, как и следователи в подобной ситуации, утверждают, что разъяснять обвинение подсудимому должен защитник. Чаще всего, однако, заявление подсудимого о том, что обвинение ему непонятно, судом попросту игнорируется. Требование закона об обязанности председательствующего выяснять, понятно ли подсудимому обвинение (ч. 2 ст. 273 УПК РФ), выглядит как нежелательная, но неизбежная уступка законодателя мировому общественному мнению – дескать, и у нас всё как у людей, заботимся о правах подсудимого. Цена такой заботы – ноль. Никаких обязанностей разъяснить подсудимому сущность обвинения ни на кого законодатель не возложил. Его спрашивают о том, понятно ли ему обвинение, но далее эта мелодия не звучит.

Изложение обвинения по делу К. в Пресненском районном суде Москвы гособвинитель свела к прочтению в быстром темпе обвинительного заключения (за минусом перечня доказательств). Обвинялся К. в хищении акций путем мошенничества. Это деяние было названо в обвинительном заключении одновременно и хищением имущества, и хищением права на имущество, в разных местах текста была указана различная стоимость якобы похищенных акций:

в одном месте – 253 миллиона рублей, в другом – 30 миллионов. Наряду с мошенничеством К. обвинялся также и в покушении на легализацию имущества, приобретенного в результате совершения преступления по ч. 3 ст. 30 и по п. «б» ч. 3 ст. 1741 УК РФ. Излагая обвинение, гособвинитель повторила тезис обвинительного заключения о совершении покушения на легализацию денежных средств, приобретенных преступным путем с использованием своего служебного положения, при этом прокурором не было названо, какое именно служебное положение занимал К., не являвшийся и не являющийся государственным либо муниципальным служащим.

Дело рассматривалось повторно – после отмены приговора Верховным судом РФ в надзорном порядке. Со времени вынесения постановления привлечения К. в качестве обвиняемого к моменту повторного рассмотрения дела и, соответственно, к моменту изложения прокурором обвинения прошло более трех лет. За это время законодательная конструкция уголовной ответственности за легализацию изменилась: часть третья статьи 1741 УК РФ в ее прежней редакции отменена, диспозиция части третьей этой статьи в ее действующей редакции не содержит пунктов и предусматривает уголовную ответственность только за легализацию денежных средств, полученных в результате преступления, совершенную организованной группой. Между тем, как указано в обвинительном заключении, К. обвиняется в покушении на легализацию полученных в результате преступления денежных средств, совершенном единолично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.